
Ирина П. Кужелева-Саган

Общество-Сеть

Эволюция представлений:
концепции, образы, метафоры

Imagine there's no heaven
It's easy if you try
No hell below us
Above us only sky
Imagine all the people
Living for today ...
Imagine there's no countries
It isn't hard to do
Nothing to kill or die for
And no religion too
Imagine all the people
Living life in peace ...

You may say I'm a dreamer
But I'm not the only one
I hope someday you'll join us
And the world will be as one
Imagine no possessions
I wonder if you can
No need for greed or hunger
A brotherhood of man
Imagine all the people
Sharing all the world ...

(John Lennon)

»Imagine!«

Книга Элвина Тоффлера «Третья волна» вышла в 1980 году, поэтому Джон Леннон вряд ли успел с ней познакомиться. Между тем, его

знаменитая песня «Imagine» (1971) могла бы стать музыкальным эпиграфом не только к этой книге, но и публикациям тех авторов, кого принято называть футурологами-оптимистами («утопистами») и технократами (Д. Белла, З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, М. Маклюэна, М. Кастельса, Дж. Нейсбита и др.). По-разному называя грядущее общество (постиндустриальное, технотронное, информационное, знаниевое), все они так или иначе указывали на его глобальный характер как результат процессов *технологизации/компьютеризации, информатизации и сетевизации*. Не отрицая сложности этого общества и существования в нём разного рода проблем, футурологи-оптимисты и технократы полагали, что человечество будет способно их решать, причем, именно с помощью новейших электронных и компьютерных технологий. «Светлое будущее» связывалось с расцветом экономики нового типа («основанной на знаниях», «информационной», «суперсимволической», «сервисной»); концом бюрократии и торжеством демократии. Иначе не может быть, поскольку «неиерархические коммуникационные сети» обеспечат любому работнику, в том числе и находящемуся в самом низу служебной лестницы, прямой доступ не только к необходимым знаниям, но и к администраторам высокого уровня «для совместной работы над проблемой» [Тоффлер 2001b:218]. Наконец, предполагалось беспрецедентное «расширение органов чувств» (М. Маклюэн) и «качественное улучшение головного мозга с помощью ЭВМ» (Э. Тоффлер). Компьютеры, как «единственное средство против разрозненной культуры информации», помогут всем людям, «а не только нескольким супер-технократам, гораздо серьезнее думать о себе и о мире» [Тоффлер 2002:292, 290], а значит, сохранять целостность своей личности, свою идентичность. Прогрессирующая компьютеризация общества «не будет означать деперсонализации человеческих отношений»; «люди по-прежнему будут страдать, плакать, смеяться, находить удовольствие в общении друг с другом» [Тоффлер 2002:561].

Ключевые метафоры футурологов-оптимистов и технократов, касающиеся пространства и места обитания/работы: «глобальная деревня»/global village; «глобальный метрополис»/global metropolis; «электронный коттедж»/electronic cottage. «Глобальная деревня» – образное отражение маклюэновской концепции «электронного возвращения в век палеолита», в соответствии с которой в процессе воздействия различных электронных медиа люди снова приобретают многомерность чувственного восприятия мира, свойственную их первобытным предкам; становятся членами новой телевизионной общинности планетарного масштаба [McLuhan 1964]. «Глобальный метрополис» – метафора американского футуролога Германа Кана, альтернативная «глобальной деревне» и, по мнению её автора, более соответствующая современным процессам урбанизации и новому («мозаичному») типу культуры, создаваемому электронными СМИ. Именно большой «город», а не «деревня», является местом смеше-

ния различных культур и этносов [Kahn, Bruse-Briggs 1972].¹ В свою очередь, понятие Э. Тоффлера «электронный коттедж» альтернативно двум предыдущим: это основной структурный элемент наступающей фазы современного общества, позволяющий семье с помощью компьютеров, подключенных к сетям кабельно-спутниковой связи, рационально и согласовано управлять процессами производства и не тратить время на перемещения между домом и местом работы. Такая «оседлая» жизнь и работа в «электронном коттедже» укрепляет семью, улучшает быт, дарит дополнительное время для досуга и помогает восстановить чувство принадлежности к обществу [Тоффлер 2002]. При всём различии этих трех подходов к образной репрезентации пространственного структурирования информационно- сетевого общества, ни один из них не вступает в «антагонистические» отношения с экзистенциальной и социальной сущностью человека, не угрожает целостности его личности, не разрушает его идентичность и не лишает свободы. Ведь в принципе, *деревня*, *метрополис* и *коттедж* – это наиболее традиционные места для жизни и работы большинства людей. Изменились только их размеры (они стали глобальными) и технологическая оснащённость (она стала электронной и компьютеризированной), но именно это и является фактором новых потрясающих возможностей для индивидов.²

Такое оптимистическое видение информационного будущего человечества доминировало в социальной философии, социологии и футурологии на протяжении всей последней трети XX века. При этом дважды намечалось явное усиление этой тенденции в связи с появлением: в середине 80-х – Интернета, обусловившего устойчивость и популярность метафор «сетевое общество», «общество-Сеть»; в 90-х – цифровых технологий и беспроводной связи. Информационные кампании вокруг новых супер-технологий породили волну массового энтузиазма по поводу их демократического и «гуманитарного» потенциала. Можно сказать, что история повторилась, поскольку, путь развития СМИ в XIX и XX вв. всегда был «усеян иллюзиями относительно освободительной роли новых медиа» [Dijk 2001]. На самом рубеже Миллениума декларируется факт появления нового – «сетевого» – поколения («NET-Generation» или «N-Generation») [Tapscott 1999], отличающегося не только «врожденным» интересом к компьютерным технологиям и умением их использовать, но и высокой толерантностью к людям различных рас, культур и религий. Именно с представителями этого поколения (или N-Geners) как самыми активными агентами общества-Сети стали связываться главные надежды на будущее, лишённое глобальных международных конфликтов. Не о них ли пел Джон Леннон?

1 Важно заметить следующее. Метафора «глобальный город» является популярной не менее «глобального метрополиса». Впервые предложил термин «глобальный город», Саския Сассен рассматривает феномен «глобального города», прежде всего, с позиций социологии, глобальной экономики и урбанистики (Sassen, Saskia. 2001, *The Global City*: New York, London, Tokyo. 2d ed., Princeton: Princeton University Press). Информационно-коммуникативный аспект здесь также присутствует, но не является ведущим. Поскольку данная статья посвящена анализу эволюции представлений об обществе-Сети, автор сознательно решил остановиться только на тех концепциях («глобальной деревни» М. Маклюэна и «глобального метрополиса» Г. Кана), в которых доминирует именно информационно-коммуникативный подход.

2 Эти три метафорических образа, ставшие в конце концов, *метафорическими* понятиями, популярны до сих пор, хотя их значение несколько изменилось. Так, например, сегодняшняя «глобальная деревня» объединяет не столько «первообытных телезрителей», как во времена Маклюэна, сколько «цифровых аборигенов»/»Digital Natives» [Prensky 2001]. Наиболее полным воплощением идеи «электронных коттеджей» являются офисы компании «Google» – «офисы мечты», рассредоточенные по всему миру и вкупе образующие своеобразную «глобальную деревню». Жизнь и работа в условиях полного комфорта и креативного дизайна здесь укрепляет «семью», в качестве которой выступает IT-компания (См. «9 Unusual Google offices with unique features» – bigpicture.ru/?p=436597).

3 »Именно репутация, или капитал доверия, является самым ценным активом Сети; с её помощью сети привлекают к себе внимание, а внимание в Сети гораздо более дефицитный ресурс, чем деньги. Деньги – результат внимания, а не наоборот. Внимание – единственно твердая валюта виртуального мира. Поэтому стратегия и логика нетократов носят характер *аттенционалистический*, а не капиталистический» [Бард, Зодерквист 2004:200].

4 Так, например, К. Ясперс еще в 1931 г. в книге «Духовная ситуация эпохи (времени)» очень точно представил тенденции развития социальных отношений. Надвигающуюся эпоху он охарактеризовал как «техническую», поскольку влияние прогресса им ощущалось во всех сферах общества, равно как и планетарный характер проблем, возникающих в этих сферах. »Земной шар стал повсюду доступен, пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым» [Ясперс 1991:22]. Ясперс рассуждает об экзистенциальном кризисе общества, заключающемся в том, что общины становятся не некий всепроникающий дух или бытие вообще, а лозунги, средства сообщения и развлечения. »Бытие человека сводится к всеобщему [...] публичное становится материалом для развлечения, частное — чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро передается забвению; здесь нет длительности, это — только времяпрепровождение. Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданными техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов [...]» [Там же : 39]. Таким образом, Карл Ясперс, не подозревая того, дал характеристику будущему Обществу-Сети как глобальному, основанному на технологиях, делящемуся на сообщества, подчиняющемуся общим правилам, заменяющему индивиду реальную жизнь пространством. Здесь индивид, попадая в социальные сети, делится собственными, ранее незначимыми событиями и переживаниями, становясь более значимым в глазах сообщества, таким способом реализуя своё экзистенциальное предназначение.

5 »В информационном обществе люди будут скорее стремиться излечиться от излишней целостности сознания, нежели от шизофренических наклонностей [...]. Развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний »человека делимого«, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера. Цельность будет восприниматься как достойное жалости свидетельство немощи, а не идеал» [Бард, Зодерквист 2004:206].

Эпоха »электронных кочевников«

Однако, совершенно по-иному грядущее глобальное общество описывается футурологами-»анти-утопистами« (»технофобами«); экзистенциалистами; теоретиками Франкфуртской школы; философами жизни и культуры; представителями постструктурализма и постмодернизма; некоторыми современными социологами, экономистами и исследователями проблематики социальных коммуникаций и новых медиа (О. Хаксли, Дж. Оруэллом, К. Ясперсом, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяром, Ф. Гваттари, Ж. Делезом, П. Вирилио, С. Гарфинкелем, Л. и Э. Вачовски, Ж. Аттали, А. Бардом, Я. Зодерквистом, У. Дж. Митчеллом и др.). При всём различии (иногда альтернативности) представляемых ими художественных, философских и научных направлений, их всех объединяет *отсутствие каких-либо »розовых красок«* в созданных ими »портретах« постиндустриальной фазы развития человечества; а также *понимание амбивалентной (противоречивой) сущности технологий*, способных выходить из-под контроля людей и управлять ими прямо или тайно. Большинству перечисленных авторов свойственно и осознание того, что доминирующие типы капитала в этом обществе – это *информационный, символический и репутационный*,³ а не знаниевый, как утверждалось раньше. Ибо компьютерные технологии способны находить, систематизировать и хранить информацию, но не способны производить знание как таковое. Знание – это продукт человеческого разума. Соответственно, речь должна идти об »информационном«, но не »знаниевом« обществе.

И хотя некоторые из перечисленных авторов не используют дефиниций »информационное« или »сетевое« общество, слишком узнаваемы оказались его характеристики и проблемы в их работах.⁴ Онтология наступающего общества определяется здесь как »информационно-коммуникативная«, »самоорганизующаяся«, основанная на принципах хаоса и порядка, как »организованное пространство симулякров«, »виртуальная реальность« или »реальная виртуальность«; структура – как »иерархическая сетевая«, »ризоматическая«, »фрактальная«, »матричная«. Анти-утописты фиксируют эффект *сжатия времени и пространства* и актуализируют параметр *скорость*; подчеркивают супер-сложный характер этого общества не только с точки зрения его онтологии, структуры и координат *время – пространство – скорость*, но и наличия в нём огромного количества »неразрешаемых« противоречий и проблем. Среди них – экзистенциальный кризис; фрагментация личности и фальсификация (разрушение, »диверсификация«) идентичности;⁵ неопределяемость границы между реальным и виртуальным; симулякризация сознания; противоречие между подсознательным (инстинктивным) стремлением человека к

упорядочиванию (линейности) информации и нелинейным характером информационного потока; замещение реальной межличностной коммуникации – коммуникацией виртуальной; повсеместный электронный контроль и манипулирование массовым и индивидуальным сознанием; компьютерная зависимость; непредсказуемость последствий качественного изменения мозга под воздействием электронных и цифровых технологий; невозможность контролировать потоки информации и информационного мусора; »цифровое неравенство«; информационные войны; хакерство; постоянные атаки компьютерных и медиа- вирусов; электронный терроризм; всеобщая доступность электронной порнографии; иерархичность («классовость», »кастовость») общества-Сети и другие.

Отсюда и метафорические определения этого общества: *супер-сложное/сверх-комплексное общество, общество риска, общество тотального контроля, общество Большого брата, общество симулякров, виртуальное общество, вирусное общество, общество цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов, NETократия.*

Ключевые метафоры пространства и места обитания/работы в »анти-утопической« парадигме общества-Сети: *виртуальное пространство, киберпространство, дополненная реальность, лабиринт, паутина, матрица, логические тюрьмы, социальные сети, поля присутствия, информационные хайвеи, электронные хабы, электронные дубликаты городов, глобальная электронная агора.* Населяют эти пространства, магистрали и перекрестки, а точнее, постоянно перемещаются по ним, »кочевники« или »номады«⁶ (Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Аттали, У. Дж. Митчелл), периодически устраивающие »виртуальные костры«.⁷

Истинными »кочевниками« являются, прежде всего, нетократы.⁸ Они постоянно мигрируют между городами, видами деятельности, общностями.⁹ И чем выше сетевой статус нетократа, тем выше степень его мобильности. »Этот виртуальный возврат к кочевым временам благодаря электронным сетям знаменуется тем, что идея постоянного дома перестает играть свою прежнюю роль »точки опоры«, а это стимулирует дальнейшие эксперименты с разными жизненными стилями. Новое чувство бездомности одновременно и вынуждено, и желаемо, и бремя, и возможность. [...] Для настоящего нетократа домашняя страница в Интернете является единственно допустимой стационарной опорой существования. При условии, что она постоянно обновляется!« [Бард, Зодерквист 2004:229]. Постоянное не-виртуальное жилище – удел консьюмтариата. Здесь он хоть и находится в относительной безопасности, но »легко доступен влиянию СМИ и остатков политической и отчаявшейся налоговой властей« [Там же]. Таким образом, метафора и сама идея »электронного коттеджа« как места

6 »Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности, этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье. [...] Мужчины и женщины больше не будут обнаженными номадами периода первых примитивных обществ [...], странствующими от колодца к колодцу в поисках воды, чтобы не умереть от жажды. [...] Привилегированные жители [...] богатейших [...] провинций станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними [...]. Средства связи для современного кочевника-номада становятся все более простыми и удобными в обращении [...] Номад может продолжать общественную и частную жизнь [...] независимо от своего местопребывания в данную минуту: ведет ли он автомобиль, гуляет ли по пляжу, летит ли в самолете [...]. Человеку-кочевнику придется трудиться постоянно, бесконечно, так как у него исчезнут представления о естественном делении суток на дневное и ночное время, как, в общем, и всякое понятие о времени [...]. Кочевые предметы [...] объединены одним направляющим принципом: все они созданы для манипуляции информацией — образами, формами, звуками, причем делают это на громадных скоростях. [...] Можно предположить, что в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет. Со вставленными в него искусственными органами он станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар. Фантастика? Простая экстраполяция проявляющихся ныне тенденций [Аттали: strategema.narod.ru/global/attali.htm#part4]. »К началу 2000-х многие работники (и их работодатели) обнаружили, что для эффективной деятельности им нужен только сотовый телефон и ноутбук, и не важно, находятся ли они у себя в офисе, в поезде, самолете или аэропорту, в гостиничном номере, в офисе клиентов или компаньонов, дома или на отдыхе. И таких работников будет становиться всё больше по мере развития и распространения кочевнических технологий. Таким образом, характерной для XXI века концепцией становится не удаленная работа, как уверенно предсказывали многие футурологи, но мобильный работник, использующий в качестве рабочего места множество различных точек« [Митчелл 2012:203].

7 »В традиционных кочевых обществах постоянно поддерживаемые костры на стоянках становились передвижным очагом общественной жизни [...]. В эпоху беспроводной мобильной связи появилась еще одна возможность: [...] на ходу создавать места общих встреч, известные лишь членам конкретных, объединенных электронными коммуникациями групп« [Митчелл 2012:210].

8 *Нетократы и консьюмтариат* – это основные «классы» общества-Сети. Первые находятся на вершине социальной лестницы. Благодаря своему интеллекту, знаниям и связям, они управляют вниманием вторых, побуждая их к активному потреблению Интернет-рекламы, в свою очередь, стимулирующей потребление различных товаров и услуг. Авторами этих метафорических понятий являются Александр Бард и Ян Зодерквист.

9 Пять из десяти бестселлеров, написанных в Японии в 2007 году, были созданы на мобильных телефонах. – lifehacker.ru/2013/08/19/city-nomads.

10 О «Матрице» написали свои критические эссе Жан Бодрийяр, Грегори Бассам, Майкл Брэнниган, Кристофер Грау, Джордж Граций, Славой Жижек, Жан-Пьер Зарадер, Джеймс Лолер, Дэвид Мицуо Никсон, Джонатан Сэнфорд, Дэвид Чалмерс, Томас Хиббс, Теодор Шик и многие другие современные философы [Ирвин 2005]. 22 июня 2003 г. в Центре Помпиду в Париже состоялся круглый стол философов «Пустыня реальности», посвященный трилогии Вачовски. В России дискуссии по поводу «Матрицы» начались несколько позже, чем на Западе.

11 Первые социологические модели общества на базе понятия «виртуальность» принадлежат немецким исследователям Ахиму Бюлю и Михаэлю Паэту [Buhl 1997; Becker, Paetau 1997]; канадским – Артуру Крокеру и Майклу Вэнстэйну [Kroker, Weinstein 1994]. В России о виртуальности одним из первых первым стал писать Д. Иванов (Иванов Д. В. Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000 – 96 с.). Важно отметить, что в конце 90-х – начале 2000-х годов пессимистические настроения по поводу виртуализации общественной жизни еще не были свойственны российскому социальным философам и социологам. Возможно потому, что в это время Россия еще не была так плотно опутана сетью Интернет. Д. Иванов: «Упадок реальности, описанный Бодрийяром и Лиотаром, отнюдь не апокалиптичен. Просто «старая» реальность сменяется «новой» реальностью. В результате развешествления общество приобретает черты, описание которых приводит нас к использованию понятия виртуальной реальности. Виртуальная реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, а с симуляциями. Реальность общества эпохи Модерн – это овеществленная институциональная структура, делающая практики независимыми от устремлений индивидов. Индивид, находясь в социальной реальности институтов, воспринимает ее как естественную данность, в которой приходится жить. В эпоху Постмодерн индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее» [Иванов 2000].

постоянного пребывания и символа принадлежности к новой интеллектуальной элите в «анти-утопической» парадигме полностью оборачивается в свою противоположность, т. е. становится символом принадлежности к низшему классу общества-Сети. И вот теперь возникает вопрос: элементы какой из двух рассмотренных парадигм доминируют в настоящей жизни современного общества? И живем ли мы уже в обществе-Сети?

«Рубикон перейден»

Несмотря на то, что *единого* момента перехода в «общество-Сеть» для всех быть не может (для кого-то он вообще не наступит никогда), очень многие теоретики и практики социальных коммуникаций связали его с двумя событиями: мировой премьерой первого фильма трилогии «Матрица» братьев Вачовски в 1999 году и террористическим актом 11 сентября 2001 года. На Западе мимо них не прошел не только ни один известный политолог и журналист, но и философ.¹⁰ И если причина всеобщего внимания к одному из самых масштабных террористических актов, да еще и в цитадели мирового капитализма – США, понятна априори, то в чем причина такого же, можно сказать, почти гипнотического интереса к «Матрице»? Не в том ли, что почти каждый думающий человек, живущий сегодня, рано или поздно задумывается об *онтологии* своего существования с точки зрения её «реальности» или «виртуальности»?¹¹

В этом плане главный герой фильма, программист Том Андерсон и он же хакер Нео, ассоциируемый критиками с образами Сократа и Иисуса Христа, оказался близок многим рефлексирующим личностям. Как и Том Андерсон (Нео), огромное количество людей уже давно живет в двух параллельных мирах – реальном и виртуальном (социальных сетях, демиургических on-line играх). Кроме своего настоящего имени, они имеют еще и множество «ников» и «аватаров» и реализуют самые различные стратегии off- и on-line поведения. Но при этом им всегда было свойственно четкое осознание *границы* между этими двумя мирами. История Нео заставила их поставить под сомнение реальность «настоящей» повседневной жизни и иллюзорность жизни «виртуальной» (в Сети). Шок, испытанный Нео от открытия, что его настоящая привычная и комфортная жизнь – это искусная иллюзия, созданная в его мозгу системой разумных компьютеров, стал шоком для всех, кто, подобно ему, живет в двух параллельных мирах. Оказывается, всё, что окружает их, – это «Матрица», созданная для того, чтобы заслонить от них правду. Правду о том, что они – рабы, рожденные в тюрьмах их разума. Их обманули поглощающие биоэлектрическую энергию «компьютеры-рабовладельцы», заставив думать, что они живут в настоящем мире.¹² После таких сомнений и переживаний сценарий «11 сентября 2001» был воспринят как своеобразное

»продолжение« творения братьев Вачовски.

Итак, появление »Матрицы« если и не момент, то символ пересечения Рубикона – перехода в общество-Сеть с формой бытия/существования, не поддающейся описанию только в рамках »виртуальности« или »реальности«. Скорее это принципиально новая онтология – »виртуальная реальность« или »реальная виртуальность«,¹³ сетевая коммуникационная архитектура которой усложняется с каждым мгновением. И с каждым таким мгновением мы ощущаем себя не столько в »сетевом Раю«, обещанном футурологами-утопистами, сколько »намертво подключенными« или »пойманными одной Сетью«.

»Бесконечная петля« или »ящик Пандоры«

Жизнь в обществе-Сети оказалась сложнее и противоречивее любой из утопий или антиутопий. Кто-то понял это раньше, кто-то позже, а кому-то это еще только предстоит понять. Подавляющему же большинству »электронных кочевников«, скорость и плотность информационных потоков, а также необходимость постоянного к ним подключения, не дают даже сосредоточиться на этих вопросах. Для того, чтобы это произошло, они должны натолкнуться в этих потоках на нечто такое, что вызовет у них »экзистенциальный« или хотя бы »культурологический« шок. Например, на книгу американского теоретика медиа Дугласа Рашкоффа »Шок настоящего: когда всё происходит *сейчас*« [Rushkoff 2013]. Многие критики увидели в ней »продолжение« книги его соотечественника Элвина Тоффлера »Шок будущего« [Тоффлер 2001а]. Несомненно, что мы живем во время, которое когда-то пытался описать футуролог-утопист. Но оказалось, что это »не совсем то« будущее, к которому нас готовил Тоффлер.

Согласно Рашкоффу, сегодняшнее общество в меньшей степени заинтересовано в построении лучшего будущего. Для него значимо только *настоящее*. Все его потребности должны удовлетворяться *здесь и сейчас*.¹⁴ Информации в цифровом мире так много, что она не успевает перерабатываться в знание и, тем более, в мудрость. Рашкофф фиксирует »коллапс повествования«: **новый on-line контент больше не требует искусства рассказывать истории**. Всё, что нужно – это умение связывать любой факт или идею с любыми другими фактами и идеями. Причинно-следственные связи можно оставлять за рамками контента. Рашкофф находит удивительно точные метафоры для выявления сути феноменов общества-Сети. Например, электронный почтовый ящик он называет большой бесконечной »петлей«. ¹⁵ Рашкофф, являясь признанным специалистом в области цифровых технологий и новых медиа, а также автором десятка известных серьезных книг,¹⁶ и на этот раз проникает в глубь предмета, анализируя его различные

12 Дэвид Мицуо Никсон: »Посмотрев »Матрицу«, я невольно задаю вопрос: »Не могу ли я находиться в Матрице прямо сейчас?« Может быть, все то, что, как мне кажется, я вижу, ощущаю, пробую на вкус, осязаю, все мои мысли – на самом деле часть »генерируемого компьютером мира иллюзий« и в действительности мое тело плавает в коконе, наполненном розовым гелем. Это предположение настолько интересно и пугающе, что заслуживает отдельного названия. Для простоты упоминания назовем его *Возможность Матрицы*, то есть возможностью того, что я или вы сейчас находимся в Матрице« [Никсон 2005]. Справедливости ради заметим, что редактор сборника эссе »Матрица как философия« Уильям Ирвин полагал, что идея нахождения в Матрице »основана на фундаментальной ошибке и в лучшем случае представляет собой попытку метафизического бунта«. Жан Бодрийяр, которому приписывалась сама идея »Матрицы«, отрицал свою причастность к созданию сценария фильма. По его мнению, »Матрица« – это фильм о Матрице, который могла бы снять сама матрица«, это »странный объект, одновременно и простодушный, и извращенный, объект, в котором нет различения поту- и посюстороннего, [...] »Матрица« создает образ монополистического всемогущества нынешнего порядка вещей, и тем самым способствует его распространению« [Бодрийяр – jungland.net/node/953; The Matrix Decoded: Le Nouvel Observateur Interview With Jean Baudrillard. – www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol1_2/genosko.htm].

13 В частности, И. Засурский пишет о »реальной виртуальности« [Засурский – evartist.narod.ru/text3/34.htm], а А. Крокер и М. Вэнштейн – о »виртуальной реальности« [Kroker, Weinstein 1994]. Безусловно, мы знакомы с точкой зрения, ставящей под сомнение »принципиальную новизну« онтологии информационного общества. Однако, это не мешает нам думать иначе [Webster 2002].

14 Рашкофф пишет о том, что сегодня людям недостаточно получать отчеты о ночных новостях. Им нужны их устройства, чтобы они сообщали о всех событиях сразу, немедленно. Им нужны веб-камеры в Ватикане, чтобы увидеть облачко белого дыма. Им недостаточно своих глаз, им нужен »Google Glass«. Они хотят »щелкать« по всем каналам. И, конечно, у них нет времени исправлять слова с пропущенными буквами [Rushkoff 2013].

15 »Это не книга или документ, которые могут быть успешно завершены. Это поток. Конечно, мы можем [...] организовать сортировку писем. Но первоначальный выбор приоритетов [...] является нечто большим, чем работой со статической информацией. Проблема в том, что отправитель может потратить огромное количество времени и энергии на это сообщение. Поэтому кликнуть его (сообщение) – как открыть ящик Пандоры с информацией и обязательствами для себя.« – www.rushkoff.com/blog.

16 В их числе книги «Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание» [Рашкофф 2003] и «Программа или быть программируемым: десять особенностей цифрового мира» [Rushkoff 2010]. В первой книге он раскрывает сущность феномена «медиавирус», а во второй, соответственно, описывает «профиль» цифрового мира посредством следующих 10 характеристик: 1) в цифровом мире не существует времени; 2) в цифровом мире не существует места; 3) в цифровом мире каждое действие требует выбора; 4) цифровой мир провоцирует упрощение; 5) цифровой мир масштабируем и абстрактен; 6) цифровой мир безличен; 7) цифровой мир ориентирован на контакт; 8) цифровой мир стремится к правде; 9) цифровой мир открыт для всех; 10) цифровой мир принадлежит программистам.

17 У Рашкоффа цифровая шизофрения – это «неупорядоченное состояние психической деятельности», вызванное «напряженностью между искусственным настоящим, созданным цифровыми бомбардировками, и подлинным настоящим согласованно (гармонично) живущего человека».

18 Микей Сифри (Micah Sifry) – американский писатель, редактор, блогер – в своем отзыве на книгу Д. Рашкоффа описывает свою «цифровую жизнь» в середине 2013 года, признавая себя типичным «цифровым шизофреником». Этот отзыв настолько интересен, что сам по себе заслуживает внимания: (См.: Sifry, M. Book Review: Our Computers, Ourselves. Living With Present Shock. – techpresident.com/news/24079/book-review-our-computers-ourselves-living-present-shock).

19 «Why I'm quitting Facebook» By Douglas Rushkoff, CNN February 25, 2013 – edition. cnn.com/2013/02/25/opinion/rushkoff-why-im-quitting-facebook

20 Первое, что сделала автор этой статьи после прочтения книги Гарфинкеля, – это заклеила видеокамеру на своём Макбуке.

21 Имеются в виду скандалы, связанные с именами основателя сайта WikiLeaks Джулиана Ассанжа и его информаторов Брэдли Мэннинга и Эдварда Сноудена. (См.: Julian Assange's The World Tomorrow: Official Trailer. – Russia Today. 13 April 2012. Retrieved 25 September 2012 – www.youtube.com/watch?v=TMIDuLA57Kg; CNN: Manning Verdict Won't End Government Transparency in a Digital Age. – www.rushkoff.com/blog/2013/7/30/cnn-manning-verdict-wont-end-government-transparency-in-a-di.html.

стороны-проблемы. И всё же после прочтения этой книги остаётся вопрос: является ли «цифровая шизофрения» («digi-phrenia»),¹⁷ о которой пишет Рашкофф, патологией современного общества-Сети или это одна из его субстанциональных характеристик? Рефлексия на эту тему важна, тем более, что многие из тех, кто успел прочитать «Шок настоящего», нашли у себя явные признаки этого явления.¹⁸

Сетевые технологии: они для нас или мы для них?

Показательна эволюция представлений о сетевом информационном обществе самого Дугласа Рашкоффа, бывшего в середине 90-х «цифровым утопистом, искренне верящим, что новые цифровые технологии и Интернет способны объединить весь мир и сделать его лучше. В начале 2000-х как писатель и активист он приветствовал и появление социальных сетей – удобных инструментов для ведения бизнеса и сплочения людей по интересам или в случае необходимости. И вот, в феврале 2013-го он публично заявляет о своем решении закрыть свой аккаунт в «Facebook» по причине несовместимости принципов его функционирования с важными для себя ценностями.¹⁹ Рашкофф довольно жестко обвиняет «Facebook» во многих грехах, в том числе, что тот совершает действия автономно, но от имени «друзей» и, тем самым, искажает картину реальных отношений. Главное прозрение Рашкоффа в том, что «Facebook» **никогда и не был настоящей социальной платформой**. Он был и остается технологией, использующей социальные взаимодействия и персональную информацию (места пребывания, предпочтения торговых марок, сексуальную ориентацию и т. д.) в целях зарабатывания денег «для других» – крупнейших компаний, организаций и, конечно, для самого «Facebook». «Если вы не потребители, то вы – продукты», – говорит Рашкофф. Истинными же пользователями «Facebook» являются маркетологи. Правда, в конце своего заявления писатель напоминает, что «Facebook» – это всё-таки не весь Интернет, а только один веб-сайт, пусть и супер-популярный.

Книга американского эксперта по цифровым технологиям и компьютерной безопасности Симсона Гарфинкеля «Всё под контролем: кто и как следит за тобой» [Гарфинкель 2004] – это еще один «шок» и приговор обществу-Сети.²⁰ И хотя она была впервые издана более десяти лет назад, но в связи с делами Викиликс (WikiLeaks),²¹ она представляется еще более актуальной, чем в год своего первого издания. Её автор констатирует окончательную смерть приватной жизни в «обществе тотального контроля», каковым является общество-Сеть. Несмотря на то, что некоторые из современных технологий могут быть использованы для защиты персональной информации, подавляющее большинство технологических достижений работают на противоположную цель. Гарфинкель выявляет основные угрозы личной свобо-

де, широкое распространение которых принимает опасные масштабы.²² В частности, по поводу угрозы «восстания» интеллектуальных машин Гарфинкель пишет следующее: они «[...] в состоянии строить связную картину окружающего мира, интерпретировать и имитировать человеческое сознание настолько правдоподобно, что могут ввести человека в заблуждение относительно их природы» [Гарфинкель 2004:27].²³

Эволюция представлений Симсона Гарфинкеля о технологиях в обществе-Сети заключается в следующем: если в начале 90-х (на подступах к сетевому информационному обществу) он был убежден в их «нейтральности» (технологии могут использоваться как для нарушения приватности, так и для её защиты), то уже в начале 2000-х он категорически заявляет о том, что «технология не нейтральна», и что «нарушение приватности заложено в самой природе технологий» [Там же: 354]. Кажется, что история с «благородным лжецом»²⁴ Джулианом Ассанжем и его соратниками Брэдли Мэннингом и Эдвардом Сноуденом²⁵ свидетельствует именно об этом, равно как и о неразрешимости противоречий между правом общественности быть информированной и необходимостью защиты информации государственными структурами в целях «общественной безопасности»; правом человека на свободу слова и его же правом на защиту своей частной жизни. Не символично ли, что премию «За мужество во имя искусства» в 2013 году Ассанж получил именно от Йоко Оно-Леннон?²⁶

Книга известного австралийско-американского архитектора, дизайнера и специалиста в сфере социальных коммуникаций Уильяма Джона Митчелла (1944–2010) «Я++: Человек, Город, Сети» – это еще один пример глубокого и системного анализа влияния сетевых беспроводных технологий и глобальной электронной коммуникации на повседневную жизнь современного человека. По Митчеллу, Большой электронный взрыв середины 90-х годов привел к созданию сегодняшней вселенной цифровых сетей – киберпространства, которое должно было «повторить, улучшить и в итоге заменить собой физическое пространство как основное место нашего обитания» [Митчелл 2012:169]. Однако, уже к 2000-му году стало понятно, что «физическое пространство и киберпространство переплетены, оказывая друг на друга неоднозначное влияние и непрерывно обмениваясь и делясь своими функциями» [Там же: 171].

Уильям Митчелл – один из тех, кто первый почувствовал необходимость изучать проблемы современной архитектуры, дизайна, городской инфраструктуры, стиля жизни, электронных коммуникаций и цифровых технологий *не по отдельности, но в их взаимосвязи*. Результатом именно такого подхода и стала книга «Я++: Человек, Город, Сети». Обращаясь к концепциям и метафорам

22 Среди них: потеря контроля над процессом развития компьютерных технологий; уязвимость биометрических систем как способов идентификации человека; систематическая фиксация всего происходящего, создающая базу данных для использования в различных целях; тотальное прослушивание окружающего мира; нецелевое использование медицинских записей; бесконтрольная реклама; персональная информация как товар; генетическая автономия; микроуправление интеллектуальной собственностью; подход к личности любого человека как потенциального террориста; совершенствование и использование интеллектуальных машин.

23 Сам Симсон Гарфинкель, будучи специалистом в сфере безопасности информационных технологий, был обманут одной из таких интеллектуальных машин под именем «Тенг». Он обменивался с Тенгом электронными письмами 2–3 раза в неделю в течение двух лет, полагая, что Тенг – это системный аналитик одного из крупных банков Сингапура. В результате оказалось, что Тенг – это вымышленная личность (компьютерная программа), созданная по заказу данного сингапурского банка для «вылавливания» в Интернете американцев, обладающих ценной для заказчика информацией [Гарфинкель 2004:329–330].

24 В юношеском возрасте Джулиан Ассанж работал в доинтернетовских сетях под ником «Мендакс» (лат. mendax). Смысл этого интернет-псевдонима связан с оксюмором Горация «splendide mendax» – благородный (великолепный) лжец.

25 Ассанж, Джулиан. Человек должен иметь доступ ко всему – www.vedomosti.ru/newspaper/article/244674/chelovek_dolzhen_imet_dostup_ko_vsemu; Julian Assange's The World Tomorrow: Official Trailer. – Russia Today. 13 April 2012. Retrieved 25 September 2012. – www.youtube.com/watch?v=TMIDuLA57Kg; CNN: Manning Verdict Won't End Government Transparency in a Digital Age. – www.rushkoff.com/blog/2013/7/30/cnn-manning-verdict-wont-end-government-transparency-in-a-di.html.

26 imaginepeace.com/archives/19347.

27 Всего в именном указателе книги содержится более 130 имен [Митчелл 2012:326–327].

28 Охранники этих «тюрем» осуществляют свою власть «путем отказа в доступе и задержания на управляемых электроникой пунктах проверки, а там, где это необходимо, – с помощью электронного обнаружения для последующего физического ареста, обездвиживания или устранения» [Митчелл 2012:266–267].

29 Такими «заповедными местами» станут магазины, кафе, рестораны, концертные залы, музеи, театры, предлагающие уникальные товары и услуги, которые невозможно или нет смысла заказывать по Интернету: редкие сорта кофе, высокую кухню и моду, живую музыку в великолепном исполнении, созерцание оригиналов, а не цифровых копий произведений великих художников и т. п.

различных исследователей, теоретиков и философов разных времен,²⁷ автор помещает их в контекст современного общества-Сети и, тем самым, дает им «новую жизнь», намечает возможные векторы их «эволюции». Так, например, теория идей Платона является одним из философских оснований для понимания киберпространства («мира идей, выраженных в цифрах») и соответствующих ему физических артефактов («мира вещей, рождающихся из цифровых файлов»). Сама метафора «Я++» – это образное отражение предельного «расширения» человека по Маклюэну; а «электронное кочевничество» – это, с одной стороны, продолжение номадизма Гваттари и Делёза, а с другой, – «спор» с Тоффлером, предсказывавшим «оседлую» жизнь в «электронном коттедже».

Буквально все проблемы анти-утопистской парадигмы репрезентации информационного сетевого общества в той или иной степени нашли отражение в этой книге, которую по праву можно назвать «энциклопедией жизни в обществе-Сети». Автор почти беспристрастно рассматривает основные атрибуты этой жизни, уделяя внимание как их достоинствам, так и недостаткам. Спокойный тон повествования не лишает книгу настоящего драматизма. Чего стоит только метафора «логические тюрьмы», отсылающая к Мишелю Фуко, и определяющая «запретные и комендантские зоны как в реальном мире, так и в киберпространстве». Эти зоны строятся «не из камня и кирпича, но из списков контроля доступа, программного обеспечения и электронных устройств» [Там же: 266].²⁸

Одним из основных выводов У. Митчелла стал вывод о том, что в обществе-Сети возникают принципиально новые схемы взаимодействия между городом, его жителями и цифровой информацией. «Стратегии дизайнеров городской среды и создателей информационных систем начинают сходитьсь» [Там же: 165], что приводит к минимизации времени и усилий горожан для получения доступа к ресурсам и друг другу. Беспроводная связь создает «непрерывное поле присутствия», которое охватывает и *изменяет* публичные и частные пространства. Теперь независимо от реального местоположения можно заниматься бизнесом (в том числе и нелегальным), получать образование, играть на бирже, участвовать в аукционах, заказывать товары и т. д., оставляя при этом свои электронные «следы» (маркеры присутствия) и облегчая, тем самым, контроль над собой.

Тем не менее, будучи по натуре скорее оптимистом, чем пессимистом, Уильям Митчелл оставляет нам надежду на то, что несмотря ни на какие метаморфозы, обусловленные беспроводными сетями и цифровыми технологиями и изменяющие саму субстанцию и структуру социальности, в обществе-Сети останутся «заповедные места» (поля не виртуального, а реального присутствия), в которых не киборг, но

человек сможет реализовать свои потребности и желания.²⁹ »Смерть пространства«, понимаемая как быстрый и ничем не ограниченный рост зон сетевой взаимозависимости, заставит людей формировать социальные общности, »целостность которых будет держаться не на силе и страхе, но на древнем принципе взаимности, применяемом в рамках новых моделей использования пространства и в небывалых прежде масштабах. Это будут сети этической взаимосвязанности, позволяющие огромному количеству рассредоточенных по миру и незнакомых друг с другом людей не просто »нормально жить вместе«, но продуктивно сотрудничать« [Там же: 278].

Так может быть, Джон Леннон был всё-таки прав? »Imagine!«

Краткие сведения о докладчике

Специалист в области онтологии и теории познания, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор; заведующая кафедрой социальных коммуникаций факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета; председатель организационного комитета международной научно-практической конференции »Connect-Универсум«; член Совета Сибирского отделения Российской Ассоциации по связям с общественностью (СО РАСО). Руководитель лаборатории гуманитарных новомедийных технологий ТГУ; член Ассоциации представителей информационных и PR-отделов европейских университетов (EUPRIO). Автор около 80 научных публикаций по вопросам теории и практики социальных коммуникаций и PR-образования. В том числе – 5 книг: *Генезис и история паблик рилейшнз: анализ интерпретаций*; *Методология реконструкции генезиса паблик рилейшнз*; *Основы теории коммуникации* (в соавт.); *Научное знание о связях с общественностью (PR): философский анализ*; *Постнеклассические практики: опыт концептуализации* (в соавт.).

Библиография

Becker, Barbara; Paetau, Michael (Hrsg.) 1997: **Virtualisierung des Sozialen**. Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. – Frankfurt am Main/New York: Campus Verlag.

Bell, Daniel 1973: **The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting**, Daniel Bell. – New York: Basic Books.

Brzezinski, Zbigniew 1970: **Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era**. – New York: Viking Press.

Buhl, Achim 1997: **Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Kultur und Politik im Zeichen des Cyberspace/Achim Bühl**. – Opladen: Westdeutscher Verlag.

Dijk, Jan A. G. M. van 2001: **Digitale Democratie: Illusie en Realiteit**. – In Bouwman, H. (Ed.), *Communicatie in de Informatiesamenleving*, pp. 165-190, Utrecht: Lemma.

Huxley, Aldous 2005: **Brave New World and Brave New World Revisited (First Perennial Classics ed.)**. – New York: HarperCollins Publishers.

Kahn, Herman; Bruse-Briggs, Barry 1972: **Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties**. – New York : Macmillan.

Kroker, Arthur; Weinstein, Michael 1994: **Data trash. The theory of the virtual class**. – Montreal: New World Perspectives.

McLuhan, Marshall 1964: **Understanding Media: The Extensions of Man**. – New York: McGraw Hill.

Marcuse, Herbert 1991: **One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society**. – London: Routledge.

Naisbitt John 1982: **Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives**. – New York: Warner Books.

Orwell, George 2003: **Nineteen Eighty-Four**. – New York: Plume.

Prensky, Marc 2001: **Digital Natives, Digital Immigrants/On the Horizon**. – MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October, pp. 1–6.

Rushkoff, Douglas 2010: **Program or Be Programmed: Ten Commandments for a Digital Age**. – New York: OR Books.

Rushkoff, Douglas 2013: Present Shock: When Everything Happens Now. – New York: Current.

Tapscott, Don 1999: Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. – New York: McGraw-Hill Companies.

Webster, Frank 2002: Theories of the Information Society. – Second Edition. – London, New York: Routledge.

Аттали, Жак 1991: Кочевники/Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – гл. 4. – strategema.narod.ru/global/attali.htm#part4.

Бард, Александр; Зодерквист, Ян 2004: НЕТократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. – Пер. с англ. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге.

Бодрийяр, Жан 2003: К критике политической экономии знака. – М.: Библион-Русская книга.

Бодрийяр, Жан 2006: Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория.

Гарфинкель, Симсон 2004: Все под контролем: Кто и как следит за тобой. – Пер. с англ. – Екатеринбург: У-Фактория.

Гэлбрейт, Джон Кеннет 2004: Новое индустриальное общество. – АСТ, Транзиткнига, Terra Fantastica.

Делёз, Жиль; Гваттари, Феликс 2007: Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория.

Делёз, Жиль; Гваттари, Феликс 2010: Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.

Засурский, Иван. Масс-медиа второй республики – evartist.narod.ru/text3/34.htm.

Иванов, Дмитрий Владиславович (2000). Виртуализация общества. – СПб.: »Петербургское Востоковедение« – www.lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt_with-big-pictures.html#12.

Ирвин, Уильям (ред.) 2005: Матрица как философия: эссе. – Изд-во Екатеринбург: У-Фактория.

Кастельс, Мануэль 2000: Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – Пер. с англ. – М.

Митчелл, Уильям Дж. 2012: Я++: Человек, Город, Сети. – М.: Strelka Press.

Никсон, Дэвид Мицуо 2005: Возможность Матрицы/Матрица как философия: эссе/Под ред. У. Ирвина – Изд-во Екатеринбург: У – Фактория – www.e-reading-lib.com/bookreader.php/102536/Irvin_-_Matrica__kak_filosofiya.html.

Рашкофф, Дуглас (2003). Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – Пер. с англ. – М.: Ультра. Культура.

Рыклин, Михаил (2002). Великий автомат. Беседы с Полем Вирилио/Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. – М.: Изд-во »Логос«.

Тоффлер, Элвин 2001a: Шок будущего. – Пер. с англ. – М.: ООО »Издательство АСТ«.

Тоффлер, Элвин 2001b: Метаморфозы власти. – Пер. с англ. – М.: ООО »Издательство АСТ«.

Тоффлер, Элвин 2002: Третья волна. – Пер. с англ. – М.: ООО »Издательство АСТ«.

Ясперс, Карл 1991: Духовная ситуация времени/Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем.- М.: Политиздат.

Рекомендации к цитированию

Кужелева-Саган, Ирина П.: Общество-Сеть. Эволюция представлений: концепции, образы, метафоры. В: Воздушный замок, Международный журнал по теории архитектуры. Том 19, Номер 32, 2014. cloud-cuckoo.net/fileadmin/issues_ru/issue_32/article_kuzheleva-sagan.pdf [1.10.2014]. С. 25–42.